5
1990

ВОКРУГ СВЕТА

ПУТЕШЕСТВИЯ ПРИКЛЮЧЕНИЯ ФАНТАСТИКА

СЛОН ПОД ОБЛАКАМИ

ДЕРЕВЯННЫЕ ЛЮДИ СУЛАВЕСИ

ПО ЛЕДОВОМУ ЛАБИРИНТУ

КУЛИГА ДЛЯ ВОЮЩИХ ВОЛКОВ?

ISSN 0321-0669

Scanned by malshin exclusively for RuTracker.org

Ален МИЛН,
английский писатель

Ровно в одиннадцать

Ален Александер Милн (1882—1956) — известный английский писатель. Всемирную славу ему принесли книги о Винни-Пухе, его друзьях Пятачке, Кенге, Ру и других зверушках. Однако А. Милн писал не только для детей. Из-под его пера выходили романы, рассказы, пьесы, публицистические произведения. Его знали как убежденного борца за мир.

Рассказ

Да, сэр, я читаю детективы, хотя большинство полицейских ответят вам, что не берут их в руки. Они посмеиваются над этими выдумками, говорят, что в детективах нет ничего похожего на реальную жизнь, потому что выслеживание убийцы — не просто вопросы индукции и дедукции, решаемые касанием кончиков пальцев обеих рук или протиранием стекол роговых очков, но тяжелая работа, зачастую затягивающаяся на долгие месяцы. И обычно так оно и есть. Но зачем же тогда я раскрываю эти книги? Чем меньше детективная история похожа на правду, тем больше она меня захватывает. А читаем мы их с вами по одной и той же причине: чтобы отвлечься от действительности.

Вы когда-нибудь задумывались, почему в детективах убийца почти всегда или пускает себе пулю в лоб, или гибнет в автомобильной катастрофе, или срывается в пропасть? Вы это заметили, не так ли? И поэтому хочу спросить, почему книжный убийца исключительно редко попадает на скамью подсудимых? Доказательства, вот в чем дело. Я имею в виду не те доказательства, которых достаточно для читателя детектива, заранее уверенного в том, что его любимый сыщик всегда прав. Нет, я говорю об уликах, которые покажутся убедительными для присяжных после того, как судья отметет все, что не является уликой в юридическом смысле этого слова, а адвокат обвиняемого основательно замутит воду. Я не упомянул еще о свидетелях, которые могут подвести в самый критический момент. Да, куда проще быть детективом-любителем. Ему-то достаточно лишь логически вычислить убийцу, чтобы тот признался во всем и покончил с собой в последней главе. Для инспектора полиции, то есть для меня, дело обстоит несколько иначе. Мне надо доказать вину убийцы перед суперинтендантом, начальником полиции, судьей, присяжными.

Кстати, я знавал одного детектива-любителя. Умный парень, не упускал ни одной мелочи, как это принято в детективных историях, и помощь его пришлась весьма кстати. Кто убийца, мы оба знали наверняка. Ну а что дальше? Что мы могли сделать? А ничего. Доказательств-то никаких не было. Только одна уверенность. И если хотите, я расскажу вам об этом деле.

Поместье называлось Пелхэм Плейс. Чудное местечко. Его владелец, мистер Картер, обожал птиц. В центре парка он создал птичий заповедник. Густой лес окружал озерцо, которое питала маленькая речушка. На озерце гнездились разные птицы — и пегие зимородки, и черные дрозды, и многие, многие другие, а мистер Картер изучал их и фотографировал для своей будущей книги. Я не знаю, что это была бы за книга, потому что он так ее и не написал. В один из июньских дней его убили ударом по голове, как принято у нас говорить, тупым предметом.

Мистер Картер не позаботился о завещании, и его состояние отошло четырем племянникам — Амброзу и Майклу Картерам и Джону и Питеру Уайменам. Амброз, самый старший из них, жил с мистером Картером и хотел передать поместье под охрану государства, утверждая, что такова была воля дяди, но остальные наследники воспротивились. Поместье продали, а вырученную сумму племянники разделили поровну.

Амброз — а это и был мой детектив-любитель — вел дела и помогал дяде в работе над книгой. Он говорил мне, что наблюдение за птицами не слишком отличается от наблюдения за людьми и трудно найти лучший способ тренировки внимания и памяти. Должен признать, он сказал чистую правду. Не приходилось удивляться и тому, что он любил поместье больше других и хотел бы выполнить желание дяди. Впрочем, так же естественно и поведение остальных племянников, придерживающихся прямо противоположного мнения. Джон и Питер были родны-

---

© Перевод с английского, «Вокруг света», 1990 г.
A. A. Milne. «Murder at Eleven». Published in «A Table Near the Band» by E. P. Dutton & Company, Inc., New York, 1950.

ми братьями. Первый, по профессии актер, вечно искал работу. Второй, новоиспеченный юрист, еще не приобрел клиентов, но успел обручиться, так что остро нуждался в наличных. Майкл Картер, двоюродный брат Амброза, имел собственное процветающее дело, но его жена привыкла ни в чем себе не отказывать, а деньги, как известно, есть деньги.

Об убийстве мистера Картера я узнал от Амброза, который позвонил мне и попросил прислать кого-нибудь из полиции. Наш доктор был на вызове, и я оставил ему записку, взял сержанта и поехал в Пелхэм Плейс. Не знаю почему, но я решил, что найду тело в доме. Однако Амброз — ранее я встречался с ним один или два раза — дожидался меня у парадной двери. Он сел в машину со словами: «Сейчас налево, затем первый поворот направо.— Потом взглянул на меня и добавил: — Извините, инспектор, что я распоряжаюсь вашим автомобилем, но дядю убили в заповедном лесу. Мы подъедем туда как можно ближе». Судя по всему, он полностью сохранил самообладание.

Вот что, по его словам, произошло в Пелхэм Плейс. Мистер Картер ушел к озеру прошлым утром, около десяти часов. Обычно он проводил там весь день и возвращался к обеду, но, бывало, оставался и на ночь, чтобы увидеть первый утренний полет птиц, поэтому никого не удивило его отсутствие за столом.

— А где же он спал? — поинтересовался я.

— У озера есть сторожка. Вы увидите.

— И еда?

— Да, и спиртовка, и все прочее. Там очень удобно. Я сам много раз ночевал в сторожке.

— Поэтому никто не обеспокоился, когда он не пришел к обеду?

— Разумеется, его отсутствие не осталось незамеченным, но мы все хорошо знали, чего ждать от дяди Генри.

— А когда вы начали волноваться?

— Он должен был прийти утром, чтобы принять душ и позавтракать. Во всяком случае, он всегда приходил. Джон, мой кузен, и я поспешили к озеру. Мы подумали: вдруг он заболел? Джон и сейчас там, следит, чтобы никто ничего не трогал.

Амброз попросил остановить машину, мы пересекли луг, углубились в лес и вышли к озеру, вернее — к большому пруду, окруженному раскидистыми деревьями. Никогда не видел более красивого места... Но вернемся к делу. Получалось, что мистера Картера мог убить только кто-нибудь из членов семьи. Поэтому я хочу, чтобы вы представили, с кем мне пришлось иметь дело. Амброз Картер, старший по возрасту, с круглым лицом комика, среднего роста, отличался склонностью к полноте. Джон Уаймен, высокий черноволосый красавец лет тридцати с циничным лицом актера, сидел на бревне и курил. Когда мы подошли, он взглянул на часы и встал.

— Я тут уже битый час.

— Извини, Джон, быстрее не получилось,— ответил Амброз.— Это инспектор Уиллз.

Джон Уаймен, конечно же, никого и ничего не видел, и я отослал его к дому вместе с сержантом Хассли, которому велел дождаться доктора и привезти его сюда. Затем Амброз и я направились к телу.

— Вы с дядей ладили? — спросил я.

— Да, конечно. Хотя я не могу сказать, любил ли его или нет. Он, как бы это выразиться, был не от мира сего. Птицы занимали его гораздо больше, чем люди, и он ни к кому не питал особой привязанности.

— Я вас понимаю,— кивнул я.

Владелец поместья лежал на спине. С пробитой головой и сломанной правой рукой, словно он успел подставить ее под первый удар, и только второй удар оказался смертельным. Мне показалось, что убили его, по меньшей мере, несколько часов назад.

— Когда его в последний раз видели живым? — спросил я.

— Вчера утром, в половине десятого,— ответил Амброз.

Я наклонился, чтобы взглянуть на часы убитого. Они сильно пострадали от удара, но я смог разглядеть время. Одиннадцать часов. Ровно в одиннадцать, сказал я себе. Неплохое название для детективной истории.

— Как странно, однако,— сказал Амброз.— Я мог бы поклясться...— Он смолк на полуслове.

— В чем? — поинтересовался я.

— Дядя носил часы на левой руке,— неохотно ответил он. Мне показалось, он хотел сказать что-то другое.

— Где были часы, когда вы и мистер Уаймен обнаружили тело?

— Полагаю, что там же, где и теперь.

— Точно вы не помните?

— Я сразу заметил, что рука сломана, а часы разбиты, но не придал этому никакого значения. Вероятно, подсознательно я решил, что это левая рука, на которой он носил часы. Поэтому сейчас и удивился.

— Вы уверены, что мистер Картер носил часы на левой руке?

— Абсолютно. Да посмотрите сами. Вон полоска от ремешка на левом запястье.

Действительно, я увидел полоску. Я дошел бы до этого и сам, но мистер Амброз оказался проворнее: видимо, сказалась привычка к наблюдению за птицами.

Амброз обошел тело, опустился на корточки, присмотрелся и тихонько рассмеялся.

— Что вы нашли смешного, сэр? — спросил я.

— Так-так-так,— проворковал он.

Я подошел к телу и обратил внимание, что часы были перевернуты.

— Видите, что произошло, инспектор? Убийца сломал руку дяде Генри, прежде чем убил его. Потом снял часы с левого запястья и разбил их.

— Похоже, что так,— согласился я.

— Надевать кому-нибудь часы — все равно, что завязывать галстук на шее другого человека: все надо делать в зеркальном отображении...

— Выходит, убийца хочет, чтобы мы считали, что преступление произошло в указанный им час.

— Именно так.

— А это означает, что мистера Картера убили в другое время.

— Совершенно справедливо. Из чего следует... что, инспектор?

— Из чего следует, что на одиннадцать часов у убийцы, возможно, есть твердое алиби.

— Возможно? — Амброз удивленно взглянул на меня.— Наверняка. Иначе зачем снимать и разбивать часы? Итак, мы уже кое-что знаем об убийце.

— Однако это все, что нам известно. Мы не знаем, на какое время у него нет алиби. То есть истинного времени убийства.

— О, я бы этого не сказал,— весьма самоуверенно заявил Амброз.

На твердой сухой земле не было видно ни одного следа. Перед тем, как отправить сержанта с Джоном, я приказал ему позвонить в участок, чтобы оттуда прислали двух полицейских. Я хотел, чтобы они нашли орудие убийства, хотя, честно говоря, сомневался в успехе, так как оно скорее всего покоилось на дне озера. С появлением доктора я мог вернуться в дом и задать несколько вопросов родственникам убитого. А пока не оставалось ничего другого, как побеседовать с мистером Амброзом, явно метившим в Шерлоки Холмсы. Мы сели на бревно и закурили.

— Выкладывайте, сэр,— сказал я.

— Что?

— Вы что-то знаете о времени убийства.

— Абсолютно ничего, инспектор, уверяю вас. Ваша версия ничуть не хуже моей.

— Нет у меня никакой версии. Давайте начнем с вашей.

— Вы это серьезно? Ну тогда другое дело,— он просиял.— Прежде всего, что вы можете сказать о времени убийства, исходя из состояния тела?

— Об этом может сказать только доктор Хикс. Да и он даст нам довольно широкий временной диапазон. Примерно шесть часов.

— Так много? Ну, тогда посмотрим, что можем сделать мы. Во-первых... О! — Он внезапно замолчал, на его лице появилось тревожное выражение.— Я совсем забыл. С этого, разумеется, следовало начинать...

Создавалось впечатление, что Амброз говорил сам с собой, и, подождав немного, я спросил:

— С чего начинать?

— Где вы ищете убийцу, инспектор?

— Я еще не приступил к поискам, сэр.

— В кругу семьи или вне ее?

— Я, естественно, поговорю со всеми, кто сейчас в поместье. И со многими из тех, кто живет за его пределами. Объясните, сэр, в чем суть вашего вопроса?

— Мне хотелось бы думать, что вы будете искать убийцу вне семьи.

— Вернее, вам хотелось бы надеяться, что мистера Картера убил посторонний человек?

Амброз рассмеялся.

— Полагаю, что да,— и добавил, уже для себя: — Полагаю, именно это я и хотел сказать, черт побери.

— Будем откровенны, сэр. Убийца есть убийца, даже если он и ваш родственник.

— Это так,— Амброз отбросил окурок сигареты и закурил новую.— Попробуем представить оба варианта. Первый. Бродяга или нарушитель частной собственности, короче, посторонний, идет по лесу, насвистывает, горланит песни, сбивает палкой головки цветов, ломает ветки, беспокоит птиц. Мой дядя как коршун налетает на него и гневно спрашивает, по какому праву тот оказался в заповеднике. Ссора, драка... Бродяга, защищаясь, бьет дядю палкой, затем, потеряв от страха голову, убивает его. Все очень просто.

— За исключением часов,— заметил я.

— Именно, инспектор... Вы попали в самую точку. За исключением часов. Во-первых, бродяга не подумал бы об этом. Во-вторых, где ему искать алиби, да и много ли значит алиби бродяги? А в-третьих, он не решился бы перевести часы вперед, потому что тело могли найти до того, как наступит установленное на часах время, или назад, потому что тогда дядю Генри могли видеть живым после часа его смерти.

— Разве сказанное вами не относится к любому убийце, переводящему стрелки часов? — спросил я.

— Да, разумеется, относится. За исключением... особых обстоятельств.

— Что же это за...

— Когда заранее известно, что убитый будет находиться в определенном месте в определенный промежуток времени и никто не придет к нему, будь он жив или мертв.

— Ваши особые обстоятельства как раз и подходят ко второму варианту: все родственники знали об этом.

— Да,— довольно неохотно признал Амброз.

— Однако и для посторонних,— продолжил я,— садовников, например, или егерей привычки мистера Картера не были тайной.

— Это правда,— Амброз вновь оживился.— Ну что ж, а теперь давайте порассуждаем. Убив человека в три часа, можно перевести стрелки на два и на четыре. Какому часу вы бы отдали предпочтение?

— А вы, сэр?

— Несомненно, перевел бы стрелки на два часа.

— Почему — несомненно?

— Ну, переводя стрелки на два, я был бы абсолютно уверен в своем алиби на этот час. Переводя стрелки на четыре, я мог лишь надеяться, что у меня будет алиби. Что-то могло пойти не так, как предполагалось. Я мог оказаться в компании человека, у которого плохо с памятью, нет часов, да и вообще известного лгуна. В первом же случае у меня возникает железное алиби. Я отводил бы стрелки назад, на тот час, когда мог доказать свое присутствие в другом месте. Даже если это убийство и не готовилось заранее, в одиннадцать часов убийцы в заповеднике не было.

Что ж, в его словах была немалая доля правды. Возможно, мне следовало подумать над этим, но, возможно, и нет. Не знаю.

— Итак, с этим все ясно,— продолжал Амброз.— Убийство произошло после одиннадцати. Но когда именно? Едва ли до четверти двенадцатого, иначе алиби убийцы не было бы безупречным. Он должен учесть, что часы могут спешить или отставать на несколько минут. Ему нужно время, чтобы добраться сюда от места алиби, например, от дома. Добрых двадцать минут, если идти пешком, а оставить машину неподалеку он бы не решился. Я думаю, на все он положил час. Обеспечил себе алиби на одиннадцать плюс пять-десять минут, убил в двенадцать и перевел стрелки обратно на одиннадцать.

— Тогда почему не убить мистера Картера в два или три часа? Ведь это куда безопаснее, если исходить из ваших рассуждений.

— Ленч,— коротко ответил Амброз.

— То есть убийца не мог прервать ленч ради осуществления своих планов? — саркастически засмеялся я.

— Я имею в виду ленч моего дяди, а не убийцы. Вы же можете определить, когда убитый последний раз принимал пищу?

— Совершенно верно, сэр, мне следовало подумать об этом.

— Дядя Генри всегда ел между половиной первого и половиной второго, поэтому не имело смысла создавать видимость того, что смерть наступила в одиннадцать, если вскрытие могло показать, что он успел съесть ленч. Нет, инспектор, убийство совершено от половины двенадцатого до половины первого, но скорее всего ближе к двенадцати.

Следовало признать, что его рассуждения не лишены здравого смысла.

— Хорошо, сэр,— сказал я.— Мистера Картера убили в двенадцать. Тем самым мы допускаем, что у убийцы нет никакого алиби на этот час, но он может доказать, что в одиннадцать находился совсем в другом месте.

— Согласен с вами, инспектор.

— В таком случае, сэр, позвольте спросить, где вы были в одиннадцать часов?

Амброз расхохотался.

— Так и знал, что вы зададите этот вопрос,— он подмигнул мне.— Я это чувствовал.

— Я не имел в виду ничего такого, сэр, но мы должны знать, что вы делали в означенный час. Тот же вопрос я задам и остальным.

— Конечно. Дайте подумать. Время в деревне течет так незаметно. Значит, так, мои друзья из Уэстона пригласили меня на ленч. Имена я сообщу вам по первому требованию. Я ушел из дома в начале одиннадцатого, минут пятнадцать-двадцать поболтал с шофером и садовником. До Уэстона я добрался в половине первого. Все-таки четыре мили по полям, день выдался жарким, да я, собственно, никуда и не спешил.

— Почему вы не поехали на машине, сэр? Полагаю, шофер мог вас отвезти.

— Миссис Михаэль собиралась поехать в город за покупками. Кроме того,— он похлопал себя по животу,— ходьба полезна для здоровья.

— Кого-нибудь встретили?

— Вроде бы нет.

— Кто-нибудь знал о том, что вы собрались в Уэстон?

— Да, конечно. За завтраком обсуждались наши планы на день. Майкл... но вы, наверное, сами спросите у него об этом? Извините.

Мне хотелось знать, чем намеревались заняться родственники убитого, поэтому я попросил его продолжать.

— Михаэль всегда привозит с собой ворох бумаг. Он из тех людей, кто работает даже в поезде. Я предложил ему пойти в мою комнату и обещал прислать что-нибудь выпить. Жене он сказал, что будет занят все утро. Питер и его невеста... Ну, вы понимаете, инспектор, о чем думают только что обручившиеся юноша и девушка. Пока они вместе, им неважно, где они находятся. Я хотел найти Джону партнера для гольфа (он страстный поклонник этой игры), но или агент, или директор театра, или кто-то еще обещал позвонить ему в одиннадцать. Для серьезной игры это уже поздновато, и Джон сказал, что после звонка он потренируется в парке. Я не знаю, чем они занимались в действительности, но за завтраком шел вот такой разговор.

Внезапно Амброз вскочил, словно его осенило, и я спросил, в чем дело, потому что у меня тоже возникла интересная идея.

— Его записи,— воскликнул Амброз.— Какие же мы идиоты!

— Я как раз собирался спросить вас о них,— мне дейст-

Рисунки П. ДЗЯДУШИНСКОГО и Т. ЕГОРОВОЙ

вительно пришла в голову мысль о том, что человек, наблюдающий за птицами и их гнездовьями, должен вести подробный дневник, фиксируя увиденное и время каждого сделанного им снимка.

Если бы Амброз не показал мне сторожку мистера Картера, я никогда не нашел бы этот наблюдательный пункт, приняв его за большое засохшее дерево, окруженное кустами. Там был дневник с последней записью, датированной десятью часами и двадцатью семью минутами.

— Что вы на это скажете? — спросил я Амброза.

— Занятно.— Он взял дневник и начал перелистывать страницы.— Особенно после всех наших умных рассуждений. Не мог он просидеть полтора часа, ничего не записав в дневник. О!..

— Что такое?

— Последняя запись в конце страницы. Совпадение?

— Вы полагаете, убийца мог вырвать страницу? С записями от половины одиннадцатого до двенадцати?

— Да.

— Если так, то парная страница должна болтаться.

Парную страницу тоже выдрали. Мы это поняли по пропуску в мартовских записях. Одна из них обрывалась на полуслове. Да, все сходилось!

Как видите, мой детектив-любитель поработал на совесть, а теперь я расскажу вам, чего добились профессионалы. Мистер Картер успел позавтракать, и если допустить, что ленч начинался у него в половине первого, его убили в промежутке от 9.45 до 12.30. Поэтому наша догадка о двенадцати часах, вероятно, соответствовала действительности. Но когда я занялся алиби, вы помните, убийца должен был иметь его на одиннадцать часов, но не на двенадцать, все пошло наперекосяк. Дровосек по фамилии Роджерс вообще не имел алиби, другие наемные работники видели друг друга в поместье, но не могли точно определить, кто, где, когда и чем занимался. Мистер Майкл Картер все утро просидел в кабинете Амброза, во всяком случае он так сказал. Высокий, властного вида Майкл выглядел старше своего кузена, хотя и родился на несколько лет позже.

— Никто не заходил к вам? — спросил я.

— Служанка принесла мне виски с содовой. Я не просил об этом, но виски выпил.

— Когда она заходила к вам?

— Она, должно быть, помнит. Я — нет.— Он всем своим видом старался показать мне, что деловому человеку некогда обращать внимание на подобные мелочи.

Доррис, служанка, подтвердила, что приносила виски, но тоже не смогла вспомнить точного времени.

— Мне сказали принести виски в одиннадцать, но Хильда села на осу, я помогала вынуть жало, задержалась и, наверное, зашла в кабинет уже в начале двенадцатого.

Мистер Питер и миссис Мейфильд, так звали его невесту, обеспечили друг другу полное алиби, так же как шофер и миссис Михаэль. Разумеется, вы можете сказать, что алиби Петера на двенадцать часов могла подтвердить лишь влюбленная в него девушка, и его нельзя признать абсолютно достоверным. Но, с моей точки зрения, Питеру вообще не имело смысла переводить стрелки и разбивать часы, если он знал, что мисс Мейфильд подтвердит любые его слова.

Больше всех меня разочаровал мистер Джон Уаймен. Ему позвонили в половине одиннадцатого, а не в одиннадцать, как он ожидал и на что я надеялся, в десять тридцать пять он закончил разговор, взял клюшку и полдюжины мячей для гольфа и пошел в парк. Время и продолжительность телефонного разговора подтвердили оператор на почте и миссис Майкл.

Анализ показаний позволил выявить потенциальных преступников:

1. Майкл Картер. Ему принесли виски в начале двенадцатого. То есть у него было алиби на одиннадцать часов, но не на двенадцать.

2. Дровосек Роджерс. При условии, что Джон Уаймен перевел стрелки часов, оказавшись один на один с телом убитого, и вырвал страницу дневника. Но зачем Джон это сделал? Да потому, что боялся, что его обвинят в убийстве, так как из всех племянников он был в самых стесненных обстоятельствах и обсуждал с Амброзом возможность получения помощи от дяди.

3. Любой бродяга, опять же с участием Джона Уаймена. Но это весьма маловероятно, так как лес находился посреди частного поместья, далеко от основных дорог.

Правда, в двух последних случаях возникал вопрос: а почему он перевел стрелки не на половину одиннадцатого, время, на которое у него было алиби, а на одиннадцать, когда никто не мог указать его местонахождение?

Нелогично. Поэтому я смог с чистой совестью отбросить варианты два и три. Оставался только Майкл Картер.

Я уже успел поздравить себя с успешным завершением следствия, но тут пришла Доррис. Она еще раз попыталась вспомнить, что делала утром рокового дня, и, обговорив все с Хильдой, пришла к выводу, что не могла принести виски раньше полудня. Отсюда следовало, что и Майкл не убивал своего дядю. Получалось...

В тот вечер я долго думал над создавшейся ситуацией. Я удобно устроился в большом кресле, набил трубку, поставил рядом бокал виски с содовой, положил ноги на стул. Мой шеф намеревался влезть в это дело, и мне хотелось назвать ему имя убийцы до того, как он успеет приписать себе все заслуги или позвонит в Скотленд-Ярд.

Больше всего меня беспокоили часы.

Убийца основательно потрудился, чтобы задурить нам голову. Смотрите, что получилось. След на левом запястье говорил о том, что мистер Картер носил часы именно на этой руке, а на правую их надел кто-то другой. Страница, вырванная из дневника, также говорила за то, что от нас хотели скрыть истинное время убийства. Что могло быть яснее этого вывода?

— Ничего,— ответил я сам себе, затем вновь произнес это слово с изумлением в голосе и продолжил: — Ничего. Абсолютно ничего. Убийца сделал все, чтобы нам это было ясно как божий день!

Глупо, конечно, с моей стороны, но раньше я не обратил на это никакого внимания. Убийца положил столько сил, чтобы убедить нас, что жизнь мистера Картера оборвалась не в одиннадцать часов только по одной причине — потому что его убили именно в этот момент. Видите ли, если бы он разбил часы и оставил их на левой руке, у него не было бы полной уверенности, что мы примем на веру установленное им время смерти, куда бы он ни перевел стрелки. Потому что все знают, что с часами убийца может поступить, как ему заблагорассудится. И он пошел на двойной обман. Он заставил нас думать, что ему пришлось надеть часы на правую руку, потому что та была сломана. И словно не заметил, что оставил нам ключ для разгадки его маленьких хитростей. В действительности мистера Картера убили в одиннадцать, но преступник стремился подвести нас к мысли, что это не так.

Мистер Майкл Картер мог убить своего дядю. У него не было алиби на одиннадцать часов. В десять тридцать пять дом полностью опустел, и он оставался один до двенадцати, когда Доррис принесла ему виски. Я опустил ноги на пол, сказав себе, что нашел убийцу ...а затем вновь положил их на стул, признавая свою ошибку. Потому что убить мистера Картера могли и Амброз, и Джон. У них тоже не было алиби на одиннадцать часов. Поэтому я вновь наполнил бокал и погрузился в раздумье.

Мотив преступления и возможность его осуществления указывали на то, что виновен кто-то из племянников. Если он пытался убедить нас, что у него твердое алиби на одиннадцать, разве не следовало ему побеспокоиться о том, чтобы хотя бы у одного из оставшихся племянников было такое же алиби? Только тогда он мог чувствовать себя спокойно. И что из этого следовало? Знал Майкл, где находился Амброз в одиннадцать часов? Нет. Амброз мог быть где угодно. Так же, как и Джон. Знал ли Джон, где находятся остальные? Нет. Он понятия не имел, где Амброз, а даже если он и предполагал, что Майкл в кабинете Амброза, то не мог знать, сможет ли Майкл доказать, что не покидал кабинета. А Амброз... и тут я подскочил в кресле, ударил правым кулаком в левую ладонь и воскликнул: «Амброз!»

Он распорядился, чтобы в одиннадцать Майклу принесли виски. Вот оно, алиби Майкла! Джону, он это знал, обещали позвонить в одиннадцать. Это алиби Джона. В том, что оба алиби лопнули, его вины нет. Амброз! Детектив-любитель, который вел меня за собой, не позволяя упустить из виду ни след от ремешка на левом запястье, ни перевернутые часы, ни вырванную страницу дневника. Он полностью обезоружил бестолкового деревенского инспектора, выложив перед ним все козыри. Амброз, который опросил всех за завтраком, чтобы узнать планы каждого. Амброз, который ненавязчиво сообщил мне, что у двух его кузенов есть алиби на одиннадцать часов. Амброз, который столь убедительно доказал, что убийство совершено в двенадцать, когда ни у кого из племянников алиби не было! Амброз!

Такое вот дело, сэр. Если бы он не был так умен, если б не расследование, проведенное им в лесу у меня на глазах, я бы никогда не додумался до этого. Он мне очень помог, этот детектив-любитель. Но доказательства! Их-то и не было, и убийца остался безнаказанным, хотя, как я и говорил вам с самого начала, мы оба знали, кто убил мистера Картера.

Перевел с английского
В. ВЕБЕР